

№ 6-й. Журналъ „ВОЙНА“. Петроградъ, 1914 г.

ШПИОНЫ и ШПИОНКИ.

ШПИОНЫ И ШПИОНКИ.

Составил АЛЬБИОНОВЪ.

КРАСАВИЦА ШПИОНКА.

Разсказъ французскаго офицера.
(Къ рисунку на обложкѣ).

Съ героиней моего приключенія я познакомился на одномъ изъ официальныхъ баловъ, ежегодно даваемыхъ президентомъ республики.

Я, въ чинѣ капитана, былъ прикомандированъ къ развѣдочному бюро военнаго министерства и не пропускалъ ни одного изъ этихъ баловъ, будучи завязанъ танцоромъ и обладая юнымъ и горячимъ сердцемъ, романтически-влюбчивымъ и пылко-бывшимся подъ форменнымъ доломаномъ съ золотыми звѣздочками. Я не помню, кто меня представилъ этой дамѣ.

Не помню даже, представилъ ли кто-нибудь. Единственно, что у меня осталось въ памяти, это — что мы съ нею танцовали первый же вальсъ.

Вся въ бѣломъ, высокая, она обращала на себя особое вниманіе своими глазами, освѣщенными свѣтло-голу-

бымъ блескомъ ея матово-блѣдное лицо и производившимъ такое впечатлѣніе, какъ если бы они были заимствованы ею у какой-либо другой красавицы.

Протанцовавъ вальсъ, мы прошли въ одинъ изъ сосѣднихъ небольшихъ и уютныхъ салоновъ и принялись весело болтать о всевозможныхъ вещахъ.

Оказалось, что моя дама — американка, оловѣвшая и богатая; ее зовутъ Люси Барроу и у нея нѣтъ никакихъ

родственниковъ и очень мало знакомыхъ въ Парижѣ, такъ что она живетъ вполне независимой жизнью, слѣдуя капризамъ своей изящной головки со странными глазами блондинки...

Послѣ этого бала мы стали видѣться часто, очень часто...

Жаркое лѣто стояло въ Парижѣ, и по вечерамъ мы часто отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ въ какой-нибудь изъ отдаленныхъ уголковъ Булонскаго лѣса.

Наша коляска двигалась медленно вдоль аллеи, освѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ, серебряннымъ матовую и пыльную зелень деревьевъ.

Опьяненный пробудившимся во мнѣ чувствомъ, я рассказывалъ очаровательной своей спутницѣ, о всѣхъ своихъ надеждахъ и увлеченіяхъ, обо всемъ, что волновало мое сердце...

Иногда, подъ покровомъ опускавшейся ночной темноты съ моихъ устъ срывались признанія, которые на другой день при блескѣ солнечныхъ лучей и особенно при блескѣ насмѣшливыхъ огоньковъ ея голубыхъ глазъ, казались мнѣ безумно смѣлыми, невозможно дерзкими.

Германскій шпионъ втерся въ довѣріе къ англійскому химику, изобрѣтателю взрывчатыхъ веществъ, и дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобы узнать секретъ важнаго военнаго изобрѣтенія.

ШПІОНЪ И ШПІОНКИ.

емъ созрѣли эти слова, которыя я переставлю повторять себѣ, тщетно стараясь передать имъ очаровательную интонацію...

Она съ большимъ вниманіемъ и участіемъ разспрашивала меня о моихъ занятіяхъ, о моей службѣ, и это участие такъ меня трогало, что я рассказывалъ ей обо всемъ, или почти обо всемъ...

Однажды ночью, когда я трудился надъ составленіемъ одной очень важной и секретной бумаги, ко мнѣ постучались.

Я вскочилъ изъ-за стола, заваленнаго планами мобилизаціи и другими секретными документами, которыя мнѣ нужно было на другой же день представить самому министру и, быстро застегнувъ доломанъ, бросился къ дверямъ.

— Кто тамъ?..

За дверями послышался серебристый смѣхъ, а знакомый, насмѣшливый голосъ началъ проговаривать:

— Отворите, господинъ офицеръ, и вы увидите—кто! Или, можетъ быть, вы боитесь?..

Я открылъ двери: это была Люси.

Она, какъ ребенокъ, была восхищена моимъ смущеніемъ и съ первыми же словами заявила:

— Итакъ, я—у васъ! Я пришла съдаться...—пришла съдаться на милость моего побѣдителя...

Предоставлю вашему воображенію дорисовать, что послѣдовало за этими словами.....

«Дневной свѣтъ пробивался уже сквозь шторы, когда я внезапно проснулся, точно отъ какого-то толчка, и тотчасъ же вспомнилъ:

— Надо везти работу къ министру!..

Повернувъ голову, чтобы взглянуть на Люси, я похолодѣлъ отъ ужаса: она исчезла!

Сквозь щели дверей, которыя вели въ мой рабочий кабинетъ, пробивался еще свѣтъ лампы.

Я сразу вскочилъ на ноги и бросил-

ся къ дверямъ, которыя распахнулъ однимъ движеніемъ руки...

Плѣнительная красавица сидѣла за моимъ письменнымъ столомъ, сверкая бѣлизной своего очаровательнаго тѣла, мало прикрытаго ночнымъ костюмомъ...

Она работала: ея рука быстро бѣгала по бумагамъ.

Очевидно — снималась копія моего секретнѣйшаго доклада...

— Шпіонка! — крикнулъ я въ себя отъ негодованія.

Она вскочила со стула и выпрямилась, глядя прямо мнѣ въ глаза своими холодными, голубыми глазами.

— Сейчасъ же отдайте всѣ бумаги! — приказалъ я.

Она не пошевелинулась, а въ голубыхъ глазахъ засвѣтилось такое презрѣніе, такой дерзкій вызовъ, что я потерялъ голову и бросился на нее.

Началась безобразная борьба...

— О, дорогой мой! — пробормотала она, изнемогая и падая на землю.

Я не обращалъ вниманія на эту женщину, которая подарила мнѣ столько минутъ счастья и наслажденія и которая теперь, покрытая синяками, исцарапанная, въ изорванной рубашкѣ, валялась на пыльномъ полу моего кабинета.

Лихорадочно я просматривалъ и пересчитывалъ бумаги, лежавшія на моемъ столѣ.

Слава Богу! Всѣ оказались въ цѣлости и на лицѣ...

Мой деньщикъ постучался въ двери, чтобы, по обыкновенію, разбудить меня.

— Господинъ офицеръ! — заговорила молящимъ полушепотомъ американка, — господинъ офицеръ, отпустите меня!

— Пойди, позови полицейскаго комиссара, — приказалъ я деньщику...

Черезъ часъ Люси Барроу, оказавшаяся, какъ я узналъ впоследствии германской шпіонкой, уходила изъ моего кабинета въ сопровожденіи полицейскихъ.

ВО ВЛАСТИ ГЕРМАНСКИХЪ ШПІОНОВЪ.

СЕНСАЦИОННЫЙ РАЗСКАЗЪ-ФАКТЪ.

Въ комнатѣ, выкрашенной въ блѣдую краску, не стояло никакой мебели, кромѣ тяжелаго дубоваго стола, двухъ стульевъ и кровати. Окно было забрано толстой рѣшеткой.

На постели лежалъ человекъ въ полномъ одѣяніи, скорчившись въ неудобной позѣ.

— Господи! — зѣвнулъ онъ.

Онъ схватился рукой за лобъ и съ отчаяннымъ видомъ началъ раскачиваться взадъ и впередъ.

Онъ сползъ съ постели и, шатаясь, подошелъ къ окну. Минуту или двѣ онъ смотрѣлъ въ него.

— Странно! — промолвилъ онъ. — Что за чертовщина!

Онъ направился къ массивной двери, у которой не было ручки, и налегъ на нее плечемъ, потомъ медленно отошелъ на середину комнаты, озабоченно почесывая затылокъ.

Эта была молодая англичанка, холерно блѣдная, съ наружною нерешитель-

таннаго и богатаго джентльмена и веселымъ, жизнерадостнымъ лицомъ.

— Что такого могъ я натворить вчера, что привело меня сюда? — сказалъ онъ. — Это тюрьма, по всей видимости. — На этотъ разъ мы попались, мой мальчикъ! — обратился онъ къ самому себѣ. Считайте себя посрамленнымъ, Джонъ Аддерлей!

Въ этотъ моментъ снаружи раздались шаги, дверь отворилась и въ комнату вошелъ пожилой господинъ въ очкахъ, низкаго роста, сгорбленный и съ добрымъ привѣтливымъ выраженіемъ лица.

— Господи помилуй! — вскричалъ онъ, останавливаясь въ изумленіи. — Вы здѣсь, Аддерлей?

— Профессоръ! — удивленно сказалъ тотъ.

— Это въ высшей степени необычайно! — промолвилъ старый джентльменъ.

Прусскій шпіонъ въ Вогезахъ съ опасностью для жизни карабкается по отвѣснымъ скаламъ съ цѣлью узнать расположеніе французскихъ партизанскихъ отрядовъ, прячущихся въ горныхъ пещерахъ и отступа дѣлающихъ внезапныя нападенія на чѣмъ-то.

А она улыбалась, насмѣшливая, иногда владѣющая собою, великолѣпная въ своемъ спокойствіи.

Впрочемъ, когда мною овладѣвало отчаяніе, когда я доходилъ до безумныхъ угрозъ и падалъ къ ея ногамъ съ мольбами безпрѣдѣльной любви — она умѣла находить слова вѣжливости и утѣшенія.

И послѣ того я уходилъ отъ нея еще болѣе влюбленнымъ, чѣмъ раньше...

— Потерпите немного, — вырвалось у меня однажды. — не видите!

И слабой мучимой улыбкой съ ма-

— Я въ полномъ недоумѣнн. Гдѣ мы?

— Этого я не могу сказать вамъ даже и приблизительно.

— Вотъ это славно!

Они дружно обернулись къ двери, откуда раздался стукъ засововъ.

— Благодарю! — промолвилъ юноша. — Что касается меня, — спокойно продолжалъ онъ, — то я припоминаю только, что я ужиналъ въ клубѣ и внезапно страннымъ образомъ ошьянѣлъ. Двое чловѣкъ любезно подсадили меня въ кэбъ и больше я ничего не помню, кромѣ того, что пять минутъ тому назадъ проснулся на этой кровати, чувствуя себя отвратительно. Но очевидно я вель себя неприлично, иначе я не былъ бы тутъ.

— Правда, — задумчиво согласился профессоръ. — Правда...

— Но вы то какъ попались, профессоръ? Я не ожидалъ этого отъ васъ. Я искренно сконфуженъ за васъ.

— Если бы это было такъ, я заслуживалъ бы строгаго осужденія, — возразилъ профессоръ. — Но вы сами знаете, что я очень воздержанный чловѣкъ. И я твердо убѣжденъ, что и вы тоже не были пьяны вчера вечеромъ. Могу я спросить васъ: вы одинъ ужинали?

— Да. Но потомъ — теперь я припоминаю это — я разговорился съ двумя иностранцами, приличными малыми, и мы распили вмѣстѣ бутылку вина.

— Они же и помогли вамъ сѣсть въ кэбъ?

— Теперь, когда вы сказали это, мнѣ кажется, что это были они.

— И сѣли съ вами?

— Я... я не увѣренъ. Я заснулъ мертвымъ сномъ.

— Ну такъ позвольте мнѣ сказать вамъ, что эти люди опонди васъ, чтобы сдѣлать своимъ плѣнникомъ.

— Еще что! — недоумѣнно разсмѣялся Аддерлей. — Вѣдь мы, какъ будто, въ двадцатомъ вѣкѣ!

— И все же я вполне увѣренъ, что я правъ.

— Но отчего, скажите на милость?

Профессоръ серьезно посмотрѣлъ на него.

— Вы должны были бы знать... — молвилъ онъ.

Аддерлей вскопчилъ на ноги и уставился на него изумленными глазами.

— Истребитель! — воскликнулъ онъ.

— Послушайте, — сказалъ профессоръ, садясь и указывая на другой стулъ. — Вчера вечеромъ, въ четвергъ, я прочелъ свою лекцію въ Институтѣ Молекулярныхъ Изслѣдованій и возвратился домой въ обычный часъ, около четверти одиннадцатаго. Какъ вы знаете, передъ моимъ домомъ есть большой и темный садъ. При входѣ въ него на меня неожиданно съ ожесточеніемъ накинулись двое людей, оглушили ударомъ по головѣ, а потомъ захлороформировали меня, но неумѣло. Благодаря этому, мнѣ удалось отчасти сохранить сознание и запомнить, что было дальше. Меня поспѣшно перевезли на моторѣ куда-то за Кройдонъ и тамъ усадили внутрь аэроплана новѣйшей конструкции. Мнѣ связали руки и ноги, но забыли завязать глаза. Сквозь стеклянный полъ я, несмотря на темноту, могъ приблизительно уловить направленіе, по которому мы двигались. Англія скоро осталась позади и мы долго летѣли надъ моремъ; потомъ быстро понеслись надъ спящей, хорошо обработанной, страной.

Нѣмецкіе шпіоны подъ видомъ англійскихъ техниковъ проникли на англійскій заводъ аэроплановъ и изучаютъ чертежи новѣйшихъ аппаратовъ.

Между тѣмъ, разсвѣтало все больше и больше и наконецъ мы спустились здѣсь, около этой повидимому уединенной тюрьмы на опушкѣ густого, темнаго лѣса. Мнѣ дали поѣсть и привели сюда, къ вамъ. Съ вами, очевидно, случилось такое же удивительное приключеніе?

Аддерлей перегнулся черезъ столъ и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Не въ обиду вамъ будь сказано, профессоръ, — замѣтилъ онъ, — вы не дурачите меня, говоря, что мы за нѣсколько сотъ миль отъ Англій?

— Это истинная правда, другъ мой.

— Что же это значитъ, по вашему?

— Только одно: мы въ рукахъ враговъ Англій, въ рукахъ нѣмцевъ.

Аддерлей откинулся на спинку стула и сунулъ руку въ карманъ за портсигаромъ.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ ожидать интересныхъ событий, — молвилъ онъ и, вставъ, началъ безцѣльно бродить по комнатѣ.

— А какъ насчетъ Бальвина? — спросилъ онъ, останавливаясь у окна.

— Я уже думалъ о немъ, — отвѣтилъ профессоръ. — Я бы не удивился, если бы они и ему оказали свои услуги.

— Вы совершенно правы, — сказалъ въ этотъ моментъ Аддерлей. — Вонъ какъ разъ Бальвинъ идетъ черезъ дворъ и съ нимъ стража съ ружьями и обнаженными штыками.

— Боже мой! — сказалъ профессоръ, вставая, чтобы посмотрѣть. — Это дѣйствительно очень странно.

— Теперь они поймали тронхъ насъ,

— засмѣялся Аддерлей. — Что же они намѣрены дѣлать съ нами?

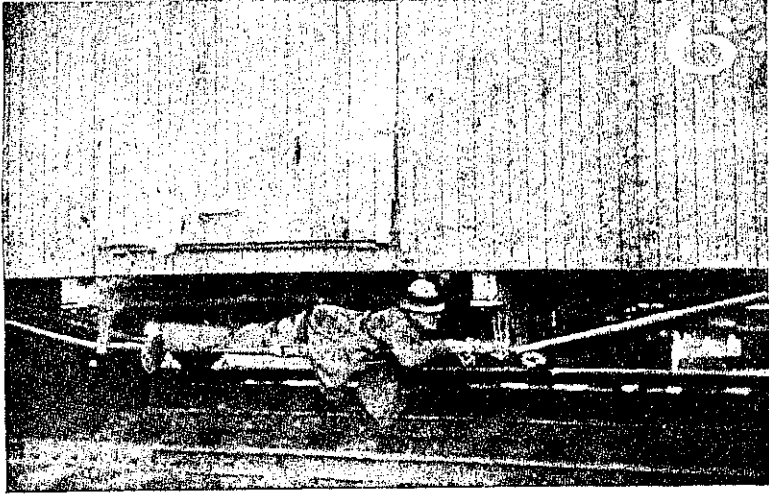
— Объ этомъ я тоже думаю, — молвилъ профессоръ. — Для меня непостижимо, какимъ образомъ они узнали, что мы трое были сообщниками. Ихъ система шпіонства, должно быть, замѣчательна по своему устройству и распространенію.

— Безъ сомнѣнія, да. Смотрите! Вотъ и Бальвинъ.

Снова раздавался лязгъ отодвигаемыхъ засововъ. Дверь распахнулась и вошелъ маленькій, проворный чловѣкъ съ крупными губами, одѣтый въ рабочую куртку и занятанныя жиромъ брюки и штилеты. Съ перваго взгляда было ясно, что онъ представлялъ собой продуктъ новаго порядка вещей: существо, чье сердце и голова были сосредоточены на механикѣ и машинахъ.

Австріяскій шпіонъ на крышѣ дома въ которомъ происходитъ важное совѣщаніе офицеровъ главнаго штаба.

Прусскій шпионъ путешествуетъ «инкогнито» на рессорахъ англійскаго воинскаго поѣзда. (Былъ пойманъ, судимъ и разстрѣлянъ).

— Халло, вы двое!—сказалъ онъ.— Они сцапали и васъ точно такъ же?

— Мы налицо!—весело отвѣтилъ Аддерлей.

— Они доставили меня сюда на моемъ собственномъ 220-сильномъ Коршуна. Вообразите ихъ безстыдство! Но они извлекли изъ него всего сто сорокъ, тогда какъ онъ даетъ добрыхъ двѣ сотни, если имъ управлять, какъ слѣдуетъ.

— Они охотятся за нашимъ истребителемъ, старина. Никакого сомнѣнія тутъ быть не можетъ.

— Шш!—предостерегающе произнесъ профессоръ.— Дверь открыта.

Бальдвинъ быстро направился къ окну и внимательно осмотрѣлъ желѣзныя перекладины рѣшетки. Онъ обернулся на звукъ приближающихся шаговъ. Были четыре солдата и, взявъ ружья къ ногѣ, стали по двое съ каждой стороны двери. Вслѣдъ за ними появился высокий, широкоплечій человѣкъ въ шотландскомъ, съ бѣлокурыми усами, закругленными кверху и щетинистыми волосами. Онъ учтиво поклонился и съ холодной, слащавой улыбочкой обратился къ тремъ англичанамъ:

— Джентльмены, я долженъ глубоко извиниться передъ вами за безлояльность, которому вы подверглись. Если вы будете добры удѣлнить мнѣ ваше вниманіе, я объясню вамъ причины моего поступка. До меня дошло, джентльмены, что вы трое являетесь участниками изобрѣтенія новаго ужаснаго аппарата-истребителя, который автоматическимъ образомъ находитъ всѣ аэропланы, находящіеся поблизости отъ него, и въ то же время направлять на нихъ орудіе, такъ что однимъ нажатіемъ кнопки они могутъ быть уничтожены. Я не могу открыть вамъ источникъ моихъ свѣдѣній, но не думаю, чтобы вы стали отрицать этотъ фактъ. Это изобрѣтеніе вы предложили Британскому правительству. Я хочу самъ купить это изобрѣтеніе. Поэтому я предлагаю вамъ вашу собственную цѣну за изобрѣтеніе.

— Какъ бы то ни было, мы не понимаемъ, о чемъ вы говорите,—сказалъ ему Бальдвинъ.

— Простите, вы принуждаете меня къ дальнѣйшимъ подробностямъ. Вы, профессоръ Мейзонъ, дали идею этого открытія. Мистеръ Бальдвинъ осуществилъ ее, а мистеръ Аддерлей, пользуясь вліяніемъ въ Военномъ Департаментѣ, представилъ планы лицамъ компетентнымъ. Развѣ это не такъ?

— Если это такъ,—возразилъ Бальдвинъ,—и если, какъ вы говорите, планы въ ихъ рукахъ, что толку обращаться къ намъ за ихъ покупкой? Ступайте къ Британскому правительству, вотъ гдѣ мѣсто переговоровъ.

— Простите еще разъ. Вы слишкомъ предусмотрительны, чтобы изложить все, что вы знаете, на бумагѣ. Безъ вашей помощи и объясненій планы неприложимы на практикѣ.

Старуха—прусская шпионка подъ видомъ кухарки поступила въ домъ французскаго офицера генеральнаго штаба и задушила его съ цѣлью овладѣть планомъ мобилизаци.

— Но откуда вы то знаете это?

— Вы должны извинить меня, если я умолчу объ этомъ.

— Я всегда говорилъ,—вставилъ Аддерлей,—что шпионы найдутся даже въ самыхъ уединенныхъ уголкахъ страны.

Профессоръ сдѣлалъ ему знакъ предоставить бесѣду Бальдвину.

— Кто вы такой, сэръ?—рѣзко спросилъ тотъ.

— Вы можете называть меня полковникомъ Иксъ.

— Ладно. Кто бы вы ни были, васъ постыдно обманули. И я бы посоветовалъ вамъ немедленно вернуть мнѣ моего Коршуна, чтобы мы могли вернуться въ Англію, не затрудняя васъ болѣе своимъ присутствіемъ. Я человѣкъ занятой, смѣю увѣрить васъ. И у меня найдется дѣло кромѣ того, чтобы выслушивать всю эту нелѣпую чушь.

— Вы заставляете меня быть еще болѣе обстоятельнымъ,—отвѣтилъ полковникъ Иксъ, нисколько не смутившись.—По причинамъ, для васъ невыяснимымъ, передача изобрѣтенія должна состояться безъ всякаго промедленія. Такъ что, если вы будете продолжать быть неблагоприятными, если вы откажетесь войти въ переговоры по продажѣ, я принужденъ буду прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, которая доставитъ мнѣ величайшее огорченіе. Я прикажу вывести васъ во дворъ этой тюрьмы и разстрѣлять. Приготовленія уже сдѣланы.

Полковникъ издалъ короткое приказаніе. Солдаты бросились впередъ; двое изъ нихъ схватили Аддерлея за руки, а двое другихъ приставили штыки къ его горлу. На лицахъ ихъ была написана безжалостная рѣшимость.

— Не защищайтесь, Аддерлей,—спокойно посоветовалъ Бальдвинъ.

— Я протестую!—крикнулъ профессоръ, вскакивая съ волненіемъ.—Освободите этого джентльмена. Вы, сэръ...

— Джентльмены,—продолжалъ полковникъ,—я серьезно предупреждаю васъ, что если вы не согласитесь на мое предложеніе, то вашего молодого друга выведутъ во дворъ и казнятъ—благодаря вашему упорству.

— И вашему невыразимому безчеловѣчію!—кинулъ ему профессоръ.

Полковникъ Иксъ неожиданно вынулъ револьверъ и прицѣлился въ Бальдина, который приближался къ нему проворной, тигровой походкой.

— Станьте у окна,—вѣжливо приказалъ онъ.—Отсюда вы сможете видѣть то, что происходитъ на дворѣ. Здѣсь вамъ представится послѣдняя возможность спасти вашего друга. Я буду держать въ рукахъ платокъ. Если вы махнете своимъ, я буду знать что вы перемѣнили намѣреніе. Если упадетъ мой мистеръ Аддерлей окончитъ свою жизнь.

Бальдвинъ, стиснувъ зубы, двинулся къ окну. Профессоръ упалъ на стулъ, закрывая лицо руками.

— Вонъ онъ тамъ,—сказалъ Бальдвинъ.—Они поставили его къ стѣнѣ и завязали ему глаза. Тамъ шесть человѣкъ съ ружьями. Аддерлей стоитъ твердо и прямо. Полковникъ отдаетъ приказанія, и сейчасъ взглянетъ сюда.

Профессоръ вскочилъ въ паническомъ ужасѣ и, шатаясь, подбѣжалъ къ окну.

— Мы смотримъ на отважный подвигъ, профессоръ,—сказалъ Бальдвинъ.

— Смотрим на смерть, если хотите. Вы думаете я лишу его этого? За ним наступит и наша очередь...

Профессор закрыл глаза руками. Раздался залп. Из груди Бальвина вырвалось продолжительное, свистящее а-х! Он прислонился к решетке, глядя сквозь нее со свирепой энергией. Профессор зарыдал, как ребенок.

— Мы видели, как надо умирать, — сказал Бальвин, и в эту минуту дверь снова открылась и вошли полковник и солдаты, державшие ружья на прицеле.

— Вы видели, джентльмены? — спросил полковник.

— Теперь, вероятно, моя очередь, — просто сказал профессор.

— Вас не принуждают, сэр. Как фанатично упрямы вы все, англичане! Я куплю это изобретение за вашу собственную цену — за миллион фунтов стерлингов, если хотите — и только вы двое разделите эту сумму. Подумайте прежде, чем решит опростетливо. Потому не будет возврата, как вы знаете.

— После того, там, на дворе? — сказал ему Бальвин с жестким смехом. — Вы не знаете нас, приятель. Продолжайте вашу бойню.

— Уведите этого человека! — распорядился полковник, указывая на профессора.

Полковник остался в комнате. Затворив дверь, он быстрой крадущейся походкой приблизился к Бальвину.

— Теперь послушайте, — прошептал он. — Твое дело ничего не значило. Это вы главное лицо. Никто не узнает о нашем договоре. Вы легко можете убить Британское правительство, что опыты с вашим открытием не оправдали ожиданий. Подумайте, что такое миллион фунтов стерлингов для вас — лучшего аэронавта Европы! Мы обставим всеми удобствами вашу работу тут. — Бальвин обернулся к нему с насмешливой улыбкой. — Подумайте! — продолжал полковник. — От вас зависит спасти жизнь профессора: мне стоит только подать знак из окна.

Он подошел к окну, следя за Бальвином горящими глазами. Выражение лица Бальвина изменилось. Он пытно оглянулся назад.

— Подите сюда, — махнул ему полковник.

Бальвин подошел и остановился рядом с ним, следя за направлением его протянутой руки.

— Если я уроню мой платок, — сказал полковник, — ваш друг перестанет жить. Какой ваш ответ?

Совершенно незаметно рука Бальвина скользнула в карман куртки его собеседника.

— А? Что вы сказали? — спросил он.

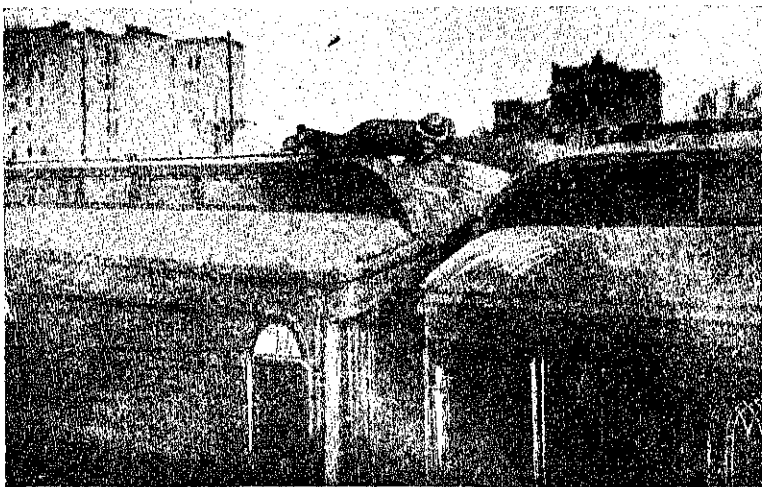
— Какой ваш ответ?

— Вот какой! — крикнул Бальвин, внезапно отступая с револьвером полковника, крепко зажатым в правой руке. — Стойте смирно! — пригрозил он. — Если вы опустите руку...

Под влиянием удивления и неожиданного испуга полковник выпустил из рук платок.

— Проклятие! — воскликнул Бальвин.

Снаружи раздался обрывистый залп. Полковник прыгнул назад и, как

Прусский шпион на крыше поезда, в котором едут французские офицеры генерального штаба. (Пойман и судим по законам военного времени).

коть, съехался в углу. Бальвин быстро прицелился и выстрелил.

— Один для вас, — сказал он.

Он выстрелил еще раз и полковник упал вперед, хватая воздух руками.

Бальвин быстро повернулся. Дверь распахнулась и в комнату вбежали солдаты со сверкающими штыками и свирепым выражением на лицах. Он выстрелил дважды — направо и налево — с смертоносной точностью. Двое упали. Остальные отбегали недружескими выстрелами.

Бальвин упал, прижимая рукой сердце и дико смеясь сквозь зубы. Он с усилием приподнялся на локоть и насмешливым жестом указал на себя пальцем.

Немецкий шпион, узнав о своем аресте, стреляется на балу в Бордо, куда проник с дочерью под видом эльзасца.

— Все вперед! — с торжеством крикнул он.

Они побегали на него с опущенными штыками.

НАПОЛЕОНЪ и испанская шпионка.

Исторический рассказ-факт.

Солнечный шар сильно склонился к западу, освещая своими багряно-золотистыми лучами небольшой шатер, возвышавшийся на одном из холмов Коруньи. Внутри шатра, за столом, накрытым красным сукном, на краях которого ярко выделялись шитые золотом буквы «N», сидел император Франции. Суровые морщины бровей на его сосредоточенном, угрюмом, безразличном лице не предвещали ничего доброго. В тот день ему пришлось убедиться, что не одни только французы умьют дорого продавать свою жизнь.

«Эти каналы — испанцы — сражаются, как дьяволы», — думал он.

Ни звука. Лишь скрип пера быстро бегавшей по листам бумаги руки, да журчанье сыплющегося из песочницы и стряхиваемого с бумаги золотистого песка нарушали по временам тишину шатра; а извне изредка доносился окрик часовых да монотонные шаги караульных.

— Кто идет? — раздался вдруг голос часового.

Наполеон нетерпеливо оторвал свой взор от бумаг: до его слуха донеслось «p a s s e z» часового. Через минуту входная пола шатра распахнулась, и, побрякивая оружием, весь в пыли, со шляпой в руках, с закаленным от битв и пуль телом и сердцем, великий маршал Ней предстал перед императором.

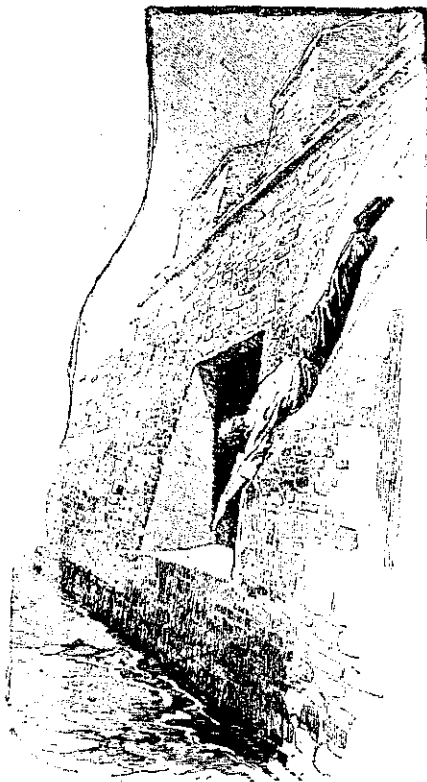
— Развѣ ты не видишь, Ней, что я занят?

ШПИОНЫ И ШПИОНКИ.

Английские полисыны выслеживают прусского шпиона, который под видом английского художника, ухитрился зарисовать рельефы укреплений.

— Государи! Иногда полезно быть стѣннымъ.
 — Бѣва замѣтная, улыбка скользнула по лицу Наполеона.
 — Ну, что скажешь?
 — Въ траншеяхъ пойманъ шпионъ, испанецъ.
 — Ага! Кой-какія бумаги?
 — Да, государи, на немъ найдены акты, посланныя вамъ вчера вече-

Испанскій шпионъ проникнувъ во французскую крѣпость и собравъ важныя свѣдѣнія бросается въ крѣпостной ровъ съ целью бѣжать къ своимъ.

ромъ генералу Сульту. Курьеръ, вѣрсятно, убитъ.

— Привратности войны, Ней! Кто поймалъ шпиона?

— Рядовой изъ императорскихъ гвардейцевъ, государи!

Ней приблизился къ императору и шепнулъ ему что-то на ухо.

— Невозможно, Ней!

— Нѣтъ ничего невозможнаго на войнѣ, государи,—отвѣтилъ Ней, оскаливъ немного зубы.

— Пришли ко мнѣ солдата и шпиона.

Ней удалился и спустя минуту возвратился въ сопровожденіи гвардейца и шпиона, котораго вели два солдата. Наполеонъ знакомъ отправилъ послѣднихъ.

Шпионъ былъ одѣтъ въ мундиръ французскихъ стрѣлковъ. Его юное и красивое лицо было блѣдно.

Наполеонъ быстро окинулъ своимъ пытливымъ взоромъ сначала шпиона, затѣмъ поймавшаго его солдата.

— Твое имя?—спросилъ онъ послѣдняго.

— Карлъ Эмилъ, изъ гвардейцевъ вашего величества.

— Гдѣ ты поймалъ шпиона?

— Во рву, выкопанномъ вчера, гдѣ, вѣроятно, онъ лежалъ спрятаннымъ со вчерашняго вечера. Сегодня, во время схватки съ испанцами, онъ не выдержалъ и крикнулъ что-то по-испански. Это выдало его: наши кинулись ко рву; я приблизился первымъ и схватилъ его.

— Довольно.

Наполеонъ вперилъ свой взглядъ въ шпиона.

— Ну-съ, господня шпионъ,—сказалъ онъ съ язвительнымъ презрѣніемъ,—ты, по всей вѣроятности, говоришь по-французски. Что ты скажешь?

Слабый вздохъ молодой, измученной груди былъ ему отвѣтомъ.

— Подай сюда бумаги.

Дрожащей рукой шпионъ указалъ на маршала Ней.

— Бумаги у меня, государи,—сказалъ Ней и положилъ ихъ на расprostертую на столѣ карту Европы.

— Ты убилъ посланца съ твоими кинжалами?—спросилъ Наполеонъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу шпиона. Едва слышнымъ шепотомъ онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, государи.

— Кто же?

— Онъ упалъ съ лошади, подстрѣленный пальной пулей. Я находился вблизи, подбѣжалъ и закладывалъ бумаги.

— А затѣмъ?

— Я пошелъ дорогу къ французскимъ траншеямъ.

— И безъ всякой посторонней помощи? Что, дорогой шпионъ?—Тебѣ гесомѣнно, извѣстна участь пойманныхъ шпионовъ?

Послѣдній лишь пожалъ слегка плечами, но его блѣдное лицо не выражало ни малѣйшаго отбѣнка страха за свою судьбу. При видѣ неподвижнаго, невозмутимо молчавшаго блѣднаго юноши, молниеносный ястребный взглядъ великаго полководца злобно заблестѣлъ. «Эти испанскія собаки храбры, какъ черти»,—промелькнуло въ его головѣ.

— Думаю, что ты не увидишь бодѣ восхода солнца,—сказалъ онъ вслухъ.

Лицо шпиона не выражало ничего, кромѣ усталости.

Въ теченіе цѣлой минуты Наполеонъ съ большимъ напряженіемъ вглядывался въ его черты, какъ бы желая припомнить что-то. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Твои черты напоминаютъ мнѣ кого-то, кого я зналъ много дѣтъ назадъ, и мы, кажется, гдѣ-то встрѣтились, но при другихъ обстоятельствахъ. Твое имя?

Но вмѣсто отвѣта лишь слабый вздохъ.

— Твое имя?!—повторилъ Наполеонъ голосомъ, который заставилъ встрепенуться даже угрюмолицаго, безстрашнаго «героя сотни сраженій»,—храбраго маршала Ней.

— Валонъ,—отвѣтилъ шпионъ.

— Что-то знакомое. Отвѣчай на мои вопросы. Кто твой отецъ?

— Капралъ Валонъ, нынѣ умершій.

— Былъ онъ когда-нибудь въ Нантѣ?

— Былъ, государи.

— Да, это было въ 1792 году, во время французской революціи, когда по служебнымъ обязанностямъ одинъ молодой артиллерійскій лейтенантъ находился тамъ...—ты слушаешь меня, шпионъ?

— Да, государи.

— Этотъ лейтенантъ,—продолжалъ императоръ,—сильно заболѣлъ лихорадкой; за нимъ, какъ мать за своимъ ребенкомъ, ухаживалъ одинъ капралъ, у котораго была одна съ тобой фамилія. Благодаря его усерднымъ заботамъ лейтенантъ выздоровѣлъ. Въ признательность за такую услугу лейтенантъ обѣщалъ капралу быть крестнымъ отцомъ его перваго ребенка. Слышалъ ты когда-нибудь отъ капрала Валона объ этомъ?

Шпионъ дрожалъ.

— Отвѣчай!—холодно приказалъ Наполеонъ.

— Государи! Я неоднократно слышалъ изъ устъ моего отца о томъ, какъ онъ ухаживалъ за больнымъ лейтенантомъ, котораго онъ спасъ отъ смерти, и которому, по словамъ отца, суждено будетъ править могущественнымъ государствомъ.

— Такъ, онъ говорилъ. А затѣмъ?

— Мой отецъ потерялъ лейтенанта изъ виду.

— Да, но сдержалъ ли лейтенантъ свое обѣщаніе?

— Да, государь. Мой отецъ женился на испанкѣ, и лейтенантъ былъ крестникомъ отцомъ перваго и единственнаго ребенка моего отца.

— Такъ. Лейтенантъ ни разу не нарушалъ своего слова, хотя,—прибавилъ онъ угрюмо,—и нарушилъ миръ и спокойствіе милліоновъ...

Солдаты, все время равнодушно стоявшій, задрожали, вдругъ, какъ осенній листъ; мертвенная блѣдность покрыла его загорѣлое лицо, и глазами, полными сверлящаго страха, смотрѣлъ онъ то на Наполеона, то на шпиона.

— Шпионъ! Ты знаешь, гдѣ теперь твой лейтенантъ?—спросилъ вдругъ Наполеонъ тономъ, въ которомъ прозвучала одна замѣтная нотка состраданія. Отвѣта не последовало.

Наполеонъ поднялся и сдѣлалъ шагъ ближе къ шпиону:

— Онъ передъ тобою—императоръ Франціи.

— О, государь, государь!—взмолился вдругъ шпионъ, опустившись на одно колено.

— Молчать!—сказалъ Наполеонъ,—кто, долготъ, какъ императора, приказываетъ мнѣ задушить въ себѣ чувства крестнаго отца, и ты, мой крестникъ-шпионъ, долженъ быть разстрѣлянъ съ жестокимъ солнцемъ. Таковъ неумолимый законъ войны!

Съ этими словами Наполеонъ приблизился къ шпиону, все еще преклонившемуся передъ императоромъ, и быстрымъ, едва замѣтнымъ движеніемъ сорвалъ съ его головы парикъ... и длинная коса чудныхъ черныхъ волосъ распалась и покрыла блѣдное, красивое лицо молодой Мари Валонъ, дочери капрала Вадона и крестницы великаго Наполеона...

Не будучи болѣе въ силахъ выдерживать наплывъ душевныхъ волненій, она дала волю своимъ женскимъ чувствамъ: слезы горести и отчаянія покатались ручьемъ изъ ея прекрасныхъ, большихъ глазъ, при судорожномъ вздрагиваніи всего тѣла. При видѣ отчаянія молодой дѣвушки, даже угрюмый маршалъ Ней отвернулъ свое суровое, закаленное въ битвахъ лицо, по которому невольно выкатилась первая и, быть можетъ, единственная слезинка жалости его зачерствѣлой души.

— О, государь, государь!—крикнулъ вдругъ молодой гвардеецъ, бросившись передъ императоромъ на колѣни:—помилуй, сжался надъ ней, государь! Мари Валонъ—моя невеста, моя будущая жена. Изъ состраданія къ несчастнымъ она добровольно согласилась ухаживать за ранеными испанцами. Ради ея отца, который ухаживалъ за тобой, государь, сжался надъ ней! Одно лишь слово, мой государь!

Въ глазахъ непреклоннаго императора заискрилась искорка сожалѣнія.

— Довольно!—крикнулъ онъ,—довольно! Образумься.

Въ мгновеніе ока молодой гвардеецъ стоялъ опять на вытяжку.

— Mademoiselle!—сказалъ императоръ,—вѣрно ли то, что сказала этотъ молодой солдатъ?

Исклипыванья на минуту прекратились.

— Вѣрно, государь!—едва внятнымъ голосомъ произнесла дѣвушка.

— Встаньте, mademoiselle!—сказалъ

Англійскій сыщикъ, попавшій по оплошности въ руки германскихъ шпионовъ, за которыми слѣдилъ. Былъ заѣрски убитъ ими. Шпионы пойманы и наказаны по заслугамъ.

императоръ,—лишь передъ однимъ Богомъ должны вы преклонить колѣни.

Дѣвушка поднялась. Наполеонъ обратился къ Нейю.

— Какъ странное свѣтъ, Ней, но еще страннѣе наша жизнь: и война, и миръ, и ненависть, и любовь тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ мы думаемъ, а?

— Къ несчастью, такъ, государь!—отвѣтилъ угрюмо Ней.

— Какимъ образомъ вы сдѣлались шпиономъ, mademoiselle?

— Государь!—сказала она,—я предложила свои услуги своей родинѣ и удостоилась чести быть принятой: меня назначили ухаживать за больными и ранеными, а такъ какъ я говорю по-французски, какъ французъ, то...

Великій полководецъ вдругъ перебилъ дѣвушку своимъ обычнымъ холоднымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— Маршалъ Ней! Эмили! Mademoiselle! Ко всему тому, чему вы были здѣсь свидѣтелями—ваши уши глухи, ваши глаза слѣпы и ваши уста нѣмы. Замѣйте, mademoiselle, я требую вашего слова, что ни подъ какимъ видомъ вы не выдадите то, что здѣсь произошло и произойдетъ.

— Я обещаю, государь!

— Хорошо. Надѣньте вашъ парикъ. Парикъ былъ надѣтъ.

— Теперь надѣньте мою шляпу.

Съ этими словами Наполеонъ подаль ей свою треуголку, которую она молодцовато надѣла на голову. Затѣмъ императоръ снялъ висѣвшій въ углу шагра плащъ, украшенный большой серебряной звѣздой, той самой звѣздой, которая была такъ хорошо извѣстна всей Франціи, и собственноручно помогъ дѣвушкѣ надѣтъ его.

— Такъ,—сказалъ онъ,—всуньте правую руку сюда, подъ лѣвую ладуну, ногу такъ,—Видишь, Ней,—обратился съ улыбкой императоръ къ маршалу—изъ mademoiselle вышелъ хорошій Наполеонъ...

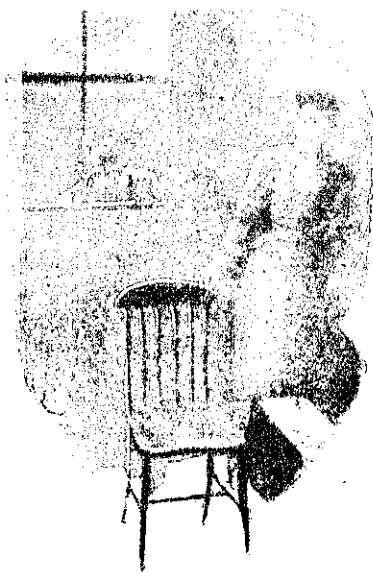
Ней что-то промывалъ подъ носъ.

— А теперь,—продолжалъ императоръ,—вотъ вамъ мой добрый совѣтъ,

mademoiselle: бросьте игру въ шпионы, вамъ въ ней не везетъ. Собственно, черезъ нѣсколько минутъ вамъ слѣдовало бы быть разстрѣлянной, но... я вашъ крестный отецъ. Вашъ отецъ спасъ мою жизнь,—дарю вамъ и я вашу. Становится темно... Въ этомъ костюмѣ вы можете смѣло пройти ряды, не боясь быть остановленной... Послѣдите къ вашимъ товарищамъ, братьямъ. А это

Австрійскій шпионъ въ Вѣлградѣ подъ видомъ оборванца собирающій свѣдѣнія о передвиженіи сербскихъ войскъ.

Английский сыщик выслѣживает прускую шпионку, подѣв видѣмъ бонны провизкушу въ семью англійскаго изобрѣтателя военныхъ приборѣвъ, съ цѣлью украсть цѣнные чертежи.

примите отъ меня, какъ свадебный подарокъ вашего крестнаго отца.

Съ этими словами императоръ подарилъ ей шелковый визанскій кошелекъ, украшенный червонцами.

— А теперь—bon voyage! Маршъ!

Съ граціознымъ салютомъ шпионка тихо повернулась и медленно, но смѣлымъ шагомъ оставила императорскій шатеръ...

— Ma foi, Ней, — замѣтила императрица, — изъ нея вышелъ бы прекрасный солдатъ, — затѣмъ, обратясь къ молодому гвардейцу: — Ты женишься на храброй женщинѣ, какъ и я, Эмиль, ты въ отставку! Маршъ!

И императоръ снова, какъ ни чѣмъ не бывало, углубился въ свою работу.

Телефонъ и военный шпионажъ.

Большая часть научныхъ открытій и техническихъ изобрѣтений, оказывая неоцѣнимыя услуги человечеству, являются въ то же время могучимъ оружіемъ въ рукахъ злонамѣренныхъ элементовъ общества, которые горюпятся использовать ихъ для тѣхъ или иныхъ преступныхъ цѣлей.

Такъ, послѣ изобрѣтенія телеграфа этого, особенно въ военное время ловкіе спекулянты стали «перехватывать» важныя свѣдѣнія, сообщаемыя по телеграфной проволоцѣ, устраивая для этого въ разномѣрныхъ мѣстахъ настоящія телеграфныя станціи, которыя присоединялись ими затѣмъ къ главной линіи.

Разумѣется, эти тайныя пункты для «перехватыванія» тѣхъ или иныхъ телеграфныхъ сообщений устраивались, да и теперь устраиваются гдѣ-нибудь въ открытомъ полѣ, вдалекѣ отъ теле-

графныхъ станцій, куда рѣдко заглядываютъ чины палатры и гдѣ съдовательно всего меньше можно опасаться быть пойманными.

Присоединивъ свой аппаратъ къ главной линіи, преступникъ имѣетъ возможность контролировать всѣ идущія по ней свѣдѣнія, списывать себѣ нужныя ему депеши, пускать ихъ дальше, добавляя къ нимъ съ злостными цѣлями ложныя сообщенія и т. д.

Прежде такія продѣлки удавались довольно часто, но въ настоящее время представители военныхъ и горюпныхъ интересовъ сдѣлались болѣе осторожными и посылаютъ нужныя имъ депеши, заключающія въ себѣ важныя для нихъ свѣдѣнія, не иначе, какъ съ обратной проверкой.

Благодаря такому приѣму, можно по отвѣту почти всегда судить, дошла ли телеграмма въ неискаженномъ видѣ или же она подмѣшана ложными сообщеніями.

Поддѣлка депешъ въ городскомъ районѣ случается весьма рѣдко.

Это объясняется съ одной стороны густотою здѣсь телеграфной сѣти, что затрудняетъ отысканіе линіи, по которой идетъ депеша, а съ другой—передача свѣдѣній (напримѣръ, предписаніе о выплатѣ той или иной суммы определенному лицу, что всего болѣе интересно злоумышленниковъ) обставляется такими формальностями, что поддѣлать депешу развѣ вѣру какому-нибудь телеграфному чиновнику, знакомому со всѣми подробностями телеграфныхъ операций.

Но даже и въ послѣднемъ случаѣ успѣхъ зависитъ отъ цѣлой массы постороннихъ, вѣшнихъ условий, о которыхъ здѣсь не стоить распространяться.

За послѣднія двадцать лѣтъ у телеграфа явился могучій конкурентъ—телефонъ.

Теперь говорящему на далекое разстояніе лицу и его собесѣднику слѣдуетъ страшиться послѣдняго изобрѣтенія техники—фонографа, съ помощью котораго злонамѣренные люди могутъ записать весь разговоръ, отъ перваго слова до послѣдняго.

Передаваемые по телефону свѣдѣнія могутъ быть точно такъ же «перехвачены», какъ и телеграфныя сообщенія: стоить только, вмѣсто телеграфной, устроить телефонную станцію, соединить ее съ желаемой линіей, и дѣло сдѣлано.

Установивъ тамъ же и фонографъ, можно быть увѣреннымъ въ точномъ воспроизведеніи всего подслушаннаго разговора.

Для тайнаго подслушанія чужихъ разговоровъ существуютъ различныя приемы: всѣ они служатъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ людей.

Телефонный шпионажъ съ каждымъ годомъ все болѣе входитъ въ моду и имъ охотно пользуются въ торговыхъ и военныхъ кругахъ; въ послѣднее время и чины полиціи, и слѣдственныя власти также стараются такимъ путемъ получать нужныя имъ при раскрытіи преступленій свѣдѣнія.

Извѣстно, что «перехватываніе» телеграфныхъ и телефонныхъ сообщений оказалось во время послѣдней русско-японской войны неоцѣнимыя услуги японцамъ.

Именно этимъ путемъ получали они наиболѣе цѣнныя для нихъ свѣдѣнія о ближайшихъ планахъ или передвиженіяхъ своего врага.

Японцы впрочемъ долго и систематически готовились къ этой войнѣ и успѣли предусмотрѣть все, что только отъ нихъ зависѣло.

Аппараты, которыми пользовались для этихъ цѣлей японцы, представляють собою настоящее чудо техники.

Эти такъ называемыя микрофоны чувствительны къ самымъ тихимъ, едва слышимымъ звукамъ; воспринявъ ударъ звуковой волны, они передаютъ звукъ за звукомъ полученныя впечатлѣнія подземному кабелю, находящемуся въ соединеніи съ ними, и слово, сказанное въ комнатѣ гейши, долетаетъ до слуха тѣхъ, которые находятся далеко и кому надлежитъ слышать.

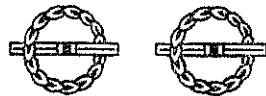
Эти аппараты, назначеніе которыхъ улавливать звуки и передавать ихъ на любое разстояніе, бываютъ различной конструкции.

Взять, напримѣръ, хотя бы телефонографъ.

Аппаратъ этотъ представляетъ собою соединеніе фонографа съ телефономъ и съ точностью передаетъ всякій звукъ, оттѣнокъ каждаго инструмента, тембръ человѣческаго голоса со всѣми его нюансами.

На ряду съ телефонографомъ въ самое послѣднее время появился еще одинъ новый аппаратъ, назначеніе котораго усиливать звуки; онъ въ случаѣ надобности присоединяется извѣстнымъ образомъ къ микрофону, и тогда голосъ лица, говорящаго на далекомъ отъ насъ разстояніи, звучитъ исключительно отчетливо, точно оно находилось бы рядомъ съ вами.

Между прочимъ, нельзя не удивляться тому огромному количеству микрофоновъ, которое за одинъ годъ удалось продать одной крупной нѣмецкой фирмѣ; фабрика эта за прошлый годъ поставила свыше двухсотъ тысячъ «подслушивающихъ» аппаратовъ; нѣкоторые изъ нихъ устроены такъ ловко, что зрителю невозможно догадаться объ ихъ существованіи: напримѣръ, аппаратъ скромно укрывается за картиною самаго невиннаго содержанія.

ШПИОНЫ СРЕДИ НАСЪ.

Организация всеобщаго шпионажа у нѣмцевъ.

Германскіе подданные могутъ отбывать воинскую повинность не въ полку, а внѣ предѣловъ родины, въ качествѣ... любознательныхъ туристов!

— Гансъ Мюллеръ, въ какой части армии желаете вы отбывать воинскую повинность?

— Въ шпионской!

И Гансъ Мюллеръ ѣдетъ во Францію, въ Бельгію или въ Россію.

Одни избираютъ профессію бродячихъ музыкантовъ, другіе разбѣгаютъ, какъ коммуні-вожеры какой-нибудь торговой фирмы.

Они снуютъ изъ города въ городъ, главнымъ образомъ, въ пограничныхъ пунктахъ и крѣпостныхъ районахъ, вынюхиваютъ и высматриваютъ.

Большинство изъ нихъ, конечно, не имѣетъ никакого представленія о стратегіи и не обнимаетъ умомъ своихъ задачъ.

Но центральному вѣдомству шпионажа нужны и тѣ мелкія подробности, которыя замѣчаютъ Гансы-музыканты.

Ихъ десятки тысячъ, «солдатъ-ищекъ», отбывающихъ свой долгъ передъ отечествомъ такимъ, поистинѣ, специфически-прусскимъ манеромъ!

Передъ своими они не скрываются и профессіи своей не стыдятся—вѣдь, они служатъ «фатерляндю».

Такова психологія нѣмца, и въ этомъ причина странной неприязни къ нѣмцу, общій у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Что и говорить, — коль скоро существуетъ милитаризмъ и возможность войны, военный шпионажъ является дѣломъ важнымъ и нужнымъ.

Но для этого особаго дѣла всѣ страны ищутъ особыхъ людей.

Въ дни войны шпионство связано съ рискомъ, отвгаой, почти самопожертвованіемъ.

Но въ мирное время для этого достаточно хитрости, пронырливости и... жадности.

И ни одно государство кромѣ Германіи уважая своихъ гражданъ, не налагаетъ на нихъ шпионскихъ обязанностей, обходясь «спеціальными» людьми.

Нѣмецкій шпионъ въ Калишѣ.

Мѣсто дѣйствія—Калишская губернія, Ленчицкій уѣздъ, гмина Подембице, мѣстность Хропы.

Здѣсь въ глухомъ, не лишенномъ живописности уголкѣ находится водяная мельница.

Хозяинъ ея — нѣкій Рудольфъ Хайманъ—нѣмецъ и завзятый германоманъ.

Отъѣвшійся сытый паукъ.

Громоздокъ, неуклюжъ, влюбленъ въ себя, въ свои вонючія сигары, довольный своимъ пивомъ, своими сосисками, словомъ, нѣмецъ съ головы до ногъ.

Не успѣлъ Прейскеръ со своей разбойничьей бандой войти въ Калишъ, Хайманъ послѣшилъ ему навстрѣчу.

Оказались они старыми пріятелями. Мельникъ, онъ же—владѣлецъ большого участка земли, нѣсколько дней провелъ въ обществѣ нѣмецкихъ офицеровъ.

И, очевидно, не безъ пріятности.

Разумѣется, сообщилъ имъ все, что зналъ, а зналъ онъ—весьма и весьма многое.

Пьянствовалъ вмѣстѣ съ ними и пьяный вернулся домой.

Вернулся не съ пустыми руками, а съ «гостинцемъ».

Это была—цѣлая партія винтовокъ, револьверовъ и съ большимъ запасомъ патроновъ.

Еще во хмелю, нѣмецъ хвасталъ пріхвачившимъ на мельницу крестьянамъ:

— Вотъ... когда придутъ сюда наши, я самъ, Рудольфъ Хайманъ, буду имъ помогать. О, я знаю, кого надо здѣсь поубивать... У меня уже готовъ списокъ всѣхъ подозрительныхъ людей. Мы ихъ уже приговорили. Наши не любятъ шутить. Нѣмцы—серьезная, великая нація. Вотъ они сколько народу въ Калишѣ перебили. И это—еще только начало... Дальше не-то будетъ!..

Мужикамъ не понравились такія рѣчи, у нихъ было сильное желаніе схватить это обнаглѣвшее животное и выдать его русскимъ властямъ.

Но Хайманъ какъ бы проникъ въ ихъ планъ.

— Если вы вздумаете меня выдать, — горе вамъ!.. Нѣмцы близко, ихъ разбѣды въ нѣсколькихъ верстахъ... А вы уже, надѣюсь, слышали о Прейскерѣ. Онъ велитъ сжечь ваши хаты, а васъ, вмѣстѣ съ вашими женами и дѣтьми, переколетъ, какъ рождественскихъ свиной и поросятъ. Кстати, онъ васъ и не называетъ иначе, какъ сельскими свиньями... О, это голова—Прейскеръ...

Въ слѣдующій разъ, уже совершенно трезвый, Хайманъ держался скромнѣе;

Германскій шпионъ проникъ въ подвалъ Лондонскаго военнаго министерства, гдѣ и былъ схваченъ въ то время, когда разрушалъ потолокъ съ цѣлью добраться до важныхъ документовъ.

тонъ его былъ увѣщательный. Такъ зываютъ къ дѣтскому благонавію:

— Наши вездѣ побѣждаютъ, противиться имъ и глупо и невыгодно. Встрѣчайте ихъ съ покорностью и все будетъ хорошо. И земли у васъ будетъ больше, и вы станете богаче... И, кромѣ того, нѣмцы создадутъ вамъ настоящую Польшу. И короля получите,—одного изъ сыновей императора Вильгельма. Честь какая!..

Мужики, покидая мельницу, говорили между собою, смѣясь:

— Ото пся креть, швабское быдло! Чекай; шпидонъ россіяне, то добже достанешъ въ д... э!..

Дѣйствительно, связи у Хаймана съ калишскими висѣльниками установились тѣсныя.

Все это вмѣстѣ сплетается въ какой-то омерзительный клубокъ.

Рудольфъ Хайманъ вовсе не одинокъ.

Такихъ Рудольфовъ Хаймановъ разсѣяно видимо-невидимо и въ Царствѣ Польскомъ и въ Юго-Западномъ краѣ. Ихъ тѣма-тѣмушая.

Нѣмецкій шпионъ подѣ Варшавой.

Германскихъ шпионовъ преслѣдуютъ неудачи. Вотъ одна изъ нихъ:

Нѣмецъ-колонистъ ѣхалъ по направленію къ Варшавѣ съ возомъ, нагруженнымъ мѣшками. Его остановилъ казачій разъѣздъ.

На вопросъ: «Что везешь?» колонистъ отвѣчалъ: «Овощи».

Одинъ изъ казаковъ ткнулъ въ верхній мѣшокъ пикой.

Оттуда раздался крикъ.

— Такъ вотъ какія у тебя овощи!—воскликнулъ казакъ.

Мигомъ спѣшившись, казаки стали развязывать мѣшки.

Въ двухъ верхнихъ мѣшкахъ оказа-

Австрійскіе шпионы въ Бѣлградѣ крадутся къ пороховому погребу съ цѣлью взорвать его.

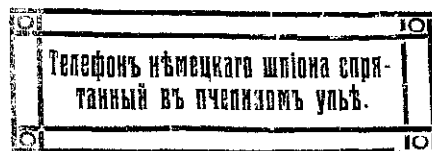

Германский шпион под видом англичанина старается в таверне собрать сведения о передвижении английских войск.

лись два немца; один, раненый шкой, стоял.

Несколько мешков, для отвода глаз, были наполнены огурцами, в остальных, лежавших снизу, найдены прусские прокламации, обещающие населению всяческие блага и призывающие его к мятежу против России.

Прокламации сожжены. Шпионы и возница задержаны и предаются военно-полевому суду.

Мы уже сообщали о том, что «мирные» германцы, оставшиеся в занятых нашими войсками областях Вост. Пруссии, освещали своих при помощи телефонов, спрятанных в ульях, колодцах и проч.

Находящийся сейчас в Петрограде раненый рядовой Д., сделавший это открытие, передает следующие подробности своих наблюдений.

Рассказчик находился на посту у старика фермера.

Последний по целым дням возился в саду, где у него было несколько ульев с пчелами.

Д. днем часто ходил в сад, но как пасек подходил близко опасался.

Подозрительным ему показалось то обстоятельство, что во всей ферме, кроме старика, никого другого не было.

Пользуясь свободным временем, Д. тщательно осматривал все помещения фермы, но ничего подозрительного не нашел.

Рота выступила из деревни ночью. Простившись с фермером, Д. покинул свой приют.

По пути к сборному пункту вспомнил, что в саду на дереве осталась выстиранная им накануне рубаха.

Вернувшись на ферму, он не нашел старика.

Заподозрив неладное, Д. тихо прокрался на пасек.

Старик, скончившись над ульем, с кем-то громко разговаривал. Д. пополь обратил и, явившись в роту, рассказал о своих подозрениях офицеру.

Последний, захватив с собою его и нескольких солдат, окружил ферму.

Фермер перетрусил и хотел бежать.

Старика задержали и с фонарями обыскали пасек, причем в одном из ульев был обнаружен телефон.

На допрос фермер сознался, что немцы предупреждены им о выступлении русских.

Рота, захватив старика, изменила маршрут и благополучно избежала засады.

Фермер был передан в распоряжение военно-полевого суда, а Д. представлен к награде.

На днях вернулся в Петроград прис. пов. Г. Я. Г-в, приехавший в Брюссель в день объявления войны и выехавший оттуда накануне вступления немецких войск в Брюссель.

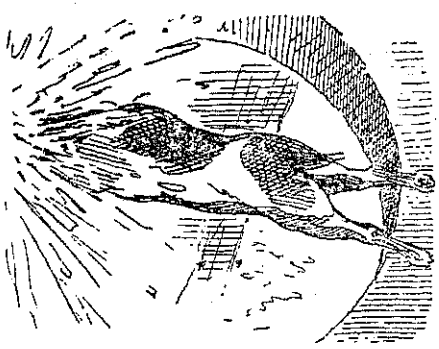
Он рассказывает о своем пребывании в Брюсселе много интересного. До войны Бельгия кишела немецкими шпионами.

Шпионаж был доведен до высокой степени совершенства, и немцы додумались до таких вещей, до которых, конечно, никто, кроме них, не додумался бы.

Например, реклама, которую немцы так широко всюду распространяли, служила также для целей шпионажа.

Плакаты с рекламой о разных немецких товарах служили одновременно и указателями весьма ценных для немцев сведений, надо было только иметь ключ к их пониманию.

Невинный на вид плакат с рекламой о каких-нибудь сапогах или вязаных фуфайках при расшифровке его указывал, что на этой улице в таких-то домах устроены склады с провизией, что в почтовом отделении

Прусская собака-шпион, выдрессированная для выслеживания наших казачьих разведов.

имеются или не имеются деньги, что в таком-то доме живет лицо, к немцам расположенное, и т. д.

Секретъ рекламы и ключъ къ ихъ расшифровке были открыты совершенно случайно.

Съ момента объявления войны, масса немцев-колонистов во всей пограничной полосе бежали в Германию, где, как запасные, приняты на службу.

Изъ числа ихъ выбраны все те, которые владеют хорошо польским деревенским наречием, и, по снабжении ихъ русскими паспортами, они в настоящее время водворяются в край.

Паспорта немцы набираютъ в край у захваченныхъ крестьянъ, которыхъ арестуютъ.

Немецкие шпионы, выдавая себя за беглецовъ, пострадавшихъ отъ немцевъ, конечно, стараются извлечь всяческую выгоду изъ своего положения для немецкаго штаба.

Въ 1886 году,—рассказываетъ Лудвигъ Виндель,—я оставилъ службу в арміи и, странствуя по свѣту, очутился въ Берлинѣ, безъ гроша денегъ.

Я обратился къ президенту полиціи, барону фонъ-Рихтгофену, съ ходатайствомъ о принятіи меня въ отдѣленіе тайной полиціи, но мое прошеніе не было уважено.

Тогда я рѣшился прямо обратиться съ письмомъ къ императору. Результатъ получился благоприятный.

Я былъ назначенъ на должность спеціальнаго инспектора уголовной полиціи.

Два мѣсяца спустя, меня перевели въ отдѣленіе развѣдочной службы и, наконецъ, мнѣ было поручено прослѣдить за другими шпионами, надежность которыхъ подверглась сомнѣнію.

Въ это время нѣкій Теофиль, графъ Л..., состоялъ шпиономъ во Франціи на жалованьи у Германіи.

Я прослѣдилъ за нимъ и замѣтилъ, что онъ поддерживаетъ подозрительныя сношенія съ французскими офицерами.

Позднѣе я убѣдился, что онъ служилъ въ иностранномъ легіонѣ французской арміи и шпионилъ въ Германіи на пользу Франціи, хотя за его услуги платила Германія.

Онъ приѣхалъ въ Берлинъ какъ разъ въ то время, когда портной Доу только что изобрѣлъ одежду, предохраняющую отъ пули, и представилъ свое изобрѣтеніе въ распоряженіе германскихъ военныхъ властей.

Я развѣдалъ, что Л... умудрился добыть кусочекъ этой ткани и собирается продать его Франціи.

Я арестовалъ его; онъ былъ заключенъ въ тюрьму, но генеральный штабъ не согласился судить его, чтобы не узна-

ли, что онъ держался на службѣ французскаго шпиона.

Съ этого времени, въ продолженіе шести лѣтъ, я проводилъ среднимъ числомъ около семи мѣсяцевъ въ году во Франціи.

Я прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, выдавалъ себя то за эльзасца, то за итальянца, то за американца, потому что въ качествѣ такового меньше всего подвергался подозрѣнію въ шпионствѣ.

По этому поводу позволю себѣ нѣсколько замѣчаній на счетъ системы германскаго шпионства: оно не такъ дорого стоитъ, какъ многіе воображаютъ.

На жалованіи состоятъ очень немногіе шпионы.

Обыкновенно пользуются агентами, которые не получаютъ опредѣленнаго жалованія, а только известную сумму денегъ за каждую оказанную услугу.

Разъ за одну операцию мнѣ выдали 2,500 фр., изъ коихъ половину я долженъ былъ заплатить своимъ агентамъ.

Въ сущности, ремесло шпиона очень много оплачивается.

Въ большинствѣ случаевъ мнѣ служили женщины, которыхъ я встрѣчалъ случайно.

Самый блестящій подвигъ всей своей карьеры я исполнилъ при помощи своего парижскаго агента въ октябрѣ 1896 года.

Мы проникли о новомъ планѣ мобилизациі арміи, составленномъ генераломъ Буадефромъ, и стали непрерывно слѣдить за военнымъ министерствомъ.

Разъ вечеромъ, мы увидѣли одного изъ главныхъ чиновниковъ этого министерства, выходящимъ оттуда съ портфелемъ.

Онъ сѣлъ въ карету, мы прослѣдили за нимъ до Восточнаго вокзала.

Тамъ онъ положилъ портфель на столъ въ залѣ, а самъ пошелъ въ другую.

Мы подхватили портфель и были такъовы.

На другой день было обѣщано 3.500 фр. награды нашедшему портфель, но я былъ уже въ Германіи со своей добычей.

Самый безстрашный подвигъ я совершилъ, переодѣвшись въ мундиръ французскаго офицера.

Это было во время большихъ маневровъ 1892 года.

Эти маневры были первостепенной важности, такъ какъ происходили на самой границѣ и военныя власти очень заботились о томъ, чтобы обставить ихъ тайной.

На мнѣ былъ французскій мундиръ, сшитый въ Германіи, мундиръ майора 13 артиллерійскаго корпуса, стоявшаго неподалеку отъ театра маневровъ.

Я надѣлъ его на поѣздѣ, переѣхавъ черезъ границу и прибылъ во время самыхъ маневровъ.

Благодаря моему мундиру, я могъ свободно расхаживать по всѣмъ линиямъ, куда штатскіе не допускались.

Говорилъ я мало и больше слушалъ. Однажды я лежалъ на землѣ, приложившись ухомъ къ палаткѣ главной квартиры генеральнаго штаба арміи.

Офицеры толковали о важномъ значеніи Восточной арміи, и я слышалъ весь разговоръ.

Затѣмъ я изучалъ самые маневры, заключавшіеся, главнымъ образомъ, въ

операцияхъ инженернаго вѣдомства.

Французскія войска обнаружили удивительное искусство въ сооруженіи укрѣпленій.

Послѣ этого вечера я снялъ съ себя мундиръ и, переодѣтый разносчикомъ, продолжалъ слѣдить за маневрами.

Въ 1893 году я отправился въ Тулонъ, такъ какъ капитанъ Борзенъ сообщилъ мнѣ о своемъ подозрѣніи, что французамъ удалось достать аппаратъ Мюллера для управленія торпедами,—аппаратъ, недавно принятый германскимъ флотомъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько попытокъ забраться въ арсеналъ, но мнѣ все не удавалось.

Наконецъ, пріявъ въ отчаяніе, я нанялъ маленькую лодку и проникъ въ портъ на веслахъ.

Я находился въ какихъ-нибудь ста метрахъ отъ дока, какъ вдругъ часовой замахалъ рукой, приглашая меня удалиться.

Я повернулъ лодку назадъ, но нарочно опрокинулъ ее.

Мнѣ оставалось только вплыть добираясь до дока. Погода была скверная, и я совсѣмъ выбился изъ силъ.

Начальство доковъ было очень раздосадовано; однако, простая человечность заставляла вытаскивать меня изъ воды.

Я притворился, что лишился сознанія. Меня внесли во внутрь зданія, дали коньяку и привели въ чувство.

Все время я исподтишка озирался и видѣлъ множество торпедъ, однако, къ величайшему моему удовольствію убѣдился, что у французовъ нѣтъ мюллерскаго аппарата.

Въ 1894 году я много трудился надъ изслѣдованіемъ системы подземнаго телеграфа во французской арміи.

Въ качествѣ разносчика, продававшаго шкорій, я прошелъ много верстъ и побывалъ во многихъ городахъ.

Наконецъ, я поступилъ садовникомъ къ владѣльцу богатаго змка...

Далѣе Виндель рассказываетъ удивительную вещь, какъ онъ, повинувшись инструкціямъ капитана Борзена, поступилъ въ кучера къ самому военному министру, Мерсье, производившему подробный осмотръ военнымъ дорогамъ въ Альпахъ.

Само собою разумѣется, шпионъ увѣряетъ, что онъ все видѣлъ, и, по правдѣ сказать, для этого положеніе его было какъ нельзя болѣе удобное.

Но эта исторія хотя и возможна, однако, является мало вѣроятной: французскій генералъ обязанъ относиться

Французскіе сыщики поджидаютъ выслѣженныхъ ими нѣмецкихъ шпионовъ, которыхъ должны арестовать.

Австрийскій шпионъ въ Бѣлградѣ спасается отъ погони полицейскихъ, обратившихъ вниманіе на «подозрительнаго иностранца».

осторожно къ найму прислуги и врядъ ли позволилъ бы незнакомому человеку такъ легко завладѣть тайной военной обороны.

И неужели генералъ Мерсье могъ быть настолько лишенъ «нюха», что не узналъ подъ кучерской ливреей поручика прусской арміи?

Какую цѣну имѣютъ сообщенія Винделя?

Глубокое презрѣніе, какое мы питаемъ къ такому рода ремеслу, не позволяетъ намъ отнестись къ нимъ съ должнымъ хладнокровіемъ.

Еще менѣе можемъ мы судить о важности документовъ, похищенныхъ у военнаго министерства.

Какъ бы то ни было, къ несчастію, Германія не отступила отъ постыдной практики шпионства, такъ тщательно организованнаго ею при Наполеонѣ III.

Въ тѣ времена, нѣкій баронъ С., жившій въ департаментѣ Эры, открыто извѣстенъ былъ какъ начальникъ германскаго шпионства во Франціи.

Извѣстно также, что послѣ одного сраженія, когда небольшой отрядъ прусскихъ войскъ былъ оцѣпленъ французами, сторожа барона,—бретонцы, однако, помогли неприятелю спастись, указавъ ему окольный путь черезъ лѣсъ.

За этотъ поступокъ сторожа были расстрѣляны.

Послѣ войны баронъ С., изъ осторожности удалившійся на это время, вернулся въ свой замокъ.

Интересно знать, имѣлъ ли онъ незавидную честь считать Людвига Винделя въ числѣ своихъ подчиненныхъ?

ТРЕБУЙТЕ У ВСѢХЪ ГАЗЕТЧИКОВЪ
и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ
двухдѣльный журналъ

ЖЕНЩИНА

Интересный военный матеріалъ. Новыя
Моды. Женскіе отдѣлы. Сенсационный
военный романъ.

Цѣна 15 коп.

ШПИОНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СМѢХА.

— Вы мнѣ, женщины съ высшимъ образованіемъ предлагаете десять марокъ за поцѣлуй!
— Какое же высшее учебное заведеніе вы кончили?
— Высшіе германскіе женскіе шпионскіе курсы!

Австріецъ. Планъ мѣстности мнѣ уже извѣстенъ. Цѣловаться они будутъ очевидно въ бесѣлкѣ. Теперь остается добыть свѣдѣнія о количествѣ и качествахъ поцѣлуевъ, которыми они собираются обмѣняться.

Мальчуганъ. Хотѣлъ пошпионить за пчелами, узнать секреты улья.. И вотъ за подвиги награда. Сверху — пчелы, снизу — медвѣдь. Положеніе хуже австрійскаго.

Дипломатическія тайны.

(Юморески изъ сферы политическихъ шпионствъ).

Секретарь одного иностраннаго министерства докладываетъ своему министру:

— Намъ предлагаютъ нѣсколько дипломатическихъ документовъ сосѣдней державы... Очень хорошіе документы!

— По чемъ же хотятъ за штуку?

— По-штучно не продаются... Меньше дюжины, говорятъ, сразу не отдаютъ!

Дипломатическій представитель спрашиваетъ у своего тайнаго агента:

— Ну, какъ ваши дѣла? Согласно эта шельма продать намъ планъ мобилизаціи своего государства за пять тысячъ?

— Нѣтъ, меньше десяти тысячъ не соглашается... Я, говоритъ, за эти десять тысячъ свою честь продаю!

— Каналья! Его честь! Но за его честь мы и мѣдной монеты ему не дали бы!

Субъектъ, добывшій документы, говоритъ посреднику-дипломату:

— Если бы вы знали, сколько труда стоило мнѣ добыть этотъ тайный документъ, то вы не стали бы торговаться!

— Мы опасаемся за достовѣрность этого документа: не фальшивый ли документъ вы намъ предлагаете?

— Даю вамъ честное слово благороднаго человѣка, что я этотъ документъ похитилъ прямо изъ портфеля министра! Я во многихъ государствахъ пользуюсь самой лучшей репутацией: мой товаръ всегда изъ первыхъ рукъ...

Военный иностранный агентъ держитъ въ рукахъ планъ укрѣпленій сосѣдняго государства и говоритъ шпиону:

— Онъ дьявольски лахнетъ духами. Это вы имѣете привычку такъ сильно душиться?

— Нѣтъ, я вовсе не употребляю духовъ; но этотъ планъ я получилъ отъ одной кафе-шантанной пѣвицы, у которой онъ пролежалъ предварительно полчаса за корсажемъ!

Наши шпиономаны.

— А у насъ вчера германскаго шпиона поймали...

— Да что вы! Настоящій нѣмецъ?

— Положимъ, не настоящій... Лудильщикъ...

— Кто же его поймалъ?

— Одинъ запоздалый дачникъ... Арестовалъ и отдалъ уряднику...

— Но почему же онъ узналъ, что это германскій шпионъ?

— Да такъ, вообще, подозрительнымъ показался... Въ глаза не смотритъ... Въ карманѣ нашли телеграммы...

— Дернуть бы его хорошенько за бороду: не привязанная ли...

— И дергали... Нѣтъ, крѣпко сидитъ...

— Ну, и что же, куда его отравили?

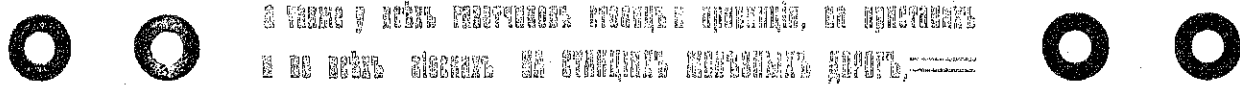
— Да урядникъ почему-то отпустилъ на волю...

— Эхъ, ей-Богу, все у насъ такъ!..

Въ книжномъ отделѣ журнала „20-й ВѢКЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

а также у насъ разоготовы въ продажѣ, въ петербургѣ
и во всѣхъ губернияхъ на станціяхъ железныхъ дорогъ.

продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрированные сборники

въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. **Нѣмецкія звѣрства.** Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.
2. **Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ карриатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ. Составилъ Яновидящій.
3. **Наша союзница Франція.** Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій. Ноты „Марсельезы“.
4. **Наша союзница Англія.** Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военноморскою мощью Англіи. Массы иллюстрацій.
5. **Русскіе военные анекдоты.** Историческіе и современные. Съ портретами и множествомъ рисунковъ.
6. **Русскій солдатъ,** его отвага, добродушіе и юморъ, проявленныя въ войнѣ 1914 года. Со множествомъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
7. **Шпіоны и шпіонни.** Захватывающе-интересные рассказы, очерки и разоблаченія тайнъ военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ. Множество любопытнѣйшихъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
8. **Непріятель въ анекдотахъ и карриатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій представителей германской и австрійской армій. Со множествомъ карриатуръ лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ.
9. **Палачи и мародеры.** Послѣднія звѣрства нѣмцевъ и австрійцевъ въ Сербіи, во Франціи и Бельгіи. Со множествомъ рисунковъ.
10. **Русскій офицеръ.** Его героизмъ, находчивость, братское отношеніе къ солдату и юморъ. Со множествомъ рисунковъ.

—< Цена каждаго сборника 10 коп. >—

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВѢКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылають три 7-ми коп. почтов. марки за каждый сборникъ. Наложнымъ платежемъ сборники не высылаются.